

Злюся
Романова

ЕЕ
ДНЕВНИК

18+

Злюся Романова

ЕЕ ДНЕВНИК

<https://litres.ru/74130957>

SelfPub; 2026

Аннотация

Агата верила, что любовь Булата выдержит всё. Но однажды на его столе появились фотографии, которые уничтожили их будущее за несколько минут. Он не стал слушать. Не стал проверять. Не стал верить женщине, которую ещё вчера называл своей. В ярости Булат вышвырнул Агату из жизни, оставив её один на один с обвинением, позором и предательством самых близких.

Прошёл год.

Теперь она — чужая, сломанная, вынужденная начинать с нуля.

Он — успешный адвокат, который так и не смог вытравить её из крови.

А между ними — ложь, ненависть, чужой дневник и правда, способная разрушить всё окончательно или дать надежду на шанс начать всё сначала.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Злюся Романова

ЕЕ ДНЕВНИК

Глава 1

БУЛАТ

Первый удар глухо входит.

Следом летит второй, ниже и тяжелее, цепи звенят над моей головой.

Мешок качается, возвращается, снова принимает кулак, а я уже не считаю ни вдохи, ни секунды, ни собственный пульс.

— Булат, спокойнее, брат, держи ритм!

— Какой, бля, ритм, Глеб? У меня сегодня весь оркестр сдох.

Он фыркает, коротко, почти незаметно.

В другой день я бы подхватил, но сейчас язык прилип к нёбу.

Во рту металл, в глазах пот, в груди что-то рвется наружу и требует не слов, а кости, крови, сопротивления.

Тело сжалось пружиной.

Я вбиваю кулак в мешок, разворачиваю плечо, слышу сухой скрип креплений.

Перед глазами вспыхивают обрывки, грязные, липкие,

невозможные, и каждый новый выпад вгоняет их глубже под ребра.

Её кожа на фото.

Её волосы на чужой груди, чужие пальцы на её спине.

Рыдала потом у порога, смотрела снизу вверх, будто весь мир ошибся, а я должен был поверить.

Своими глазами видел.

Фото горели в памяти, не отпускали, лезли под веки.

Я найду его, заставлю посмотреть мне в лицо, а потом уже решу, сколько в нем останется живого.

Кулак снова врезается.

Не верю ни слезам, ни тихому голосу, ни дрожащим пальцам.

Её слова липли к коже ядом, а я стирал их движением, потом, болью, тупым гулом в костяшках.

Вокруг все провалилось.

Остался только свист дыхания, мокрая майка и кровь, стучащая в ушах.

Глеб что-то сказал сбоку, но голос дошел не сразу, будто он стоял за толстым стеклом.

— Спарринг? — предложил, стирая пот со лба.

Он уже держал лапы и смотрел так спокойно, будто видел меня насквозь.

— Только не снеси мне голову, а то Алёнка расстроится.

Я дернул уголком рта.

Получилось криво, но это все-таки было почти моей

прежней улыбкой.

— Передам ей, что ты геройски пал за дружбу, бро, и не забудь попросить нормальные поминки.

Глеб хмыкнул без веселья.

Я резко кивнул, даже не глядя ему в глаза, потому что там могло оказаться слишком много понимания.

Ни слова. Только действие.

Мы надели защиту.

Перчатки хлопнули друг о друга, воздух стал плотнее, зал сузился до его рук.

И началось.

Я пошел вперед резко.

Прямой, хук, уход, снова прямой, и лапы принимали все, что я не мог сказать.

Глеб держал корпус, шагал назад, поправлял меня короткими командами, а между ними оставлял паузы, в которых я слышал собственный срыв.

— Дыши, дурная башка.

Я дернул плечом, ударил ниже, потом выше, почти потеряв дистанцию.

— Локоть прижми, чемпион дворовых трагедий, а то сейчас сам себе нос сломаешь.

Я бы рассмеялся раньше.

Раньше я бы ответил, что мой нос пережил и худшее, включая его борщ после корпоратива.

Теперь только выдохнул сквозь зубы и снова пошел впе-

ред, пока ноги не стали ватными, а руки тяжелыми.

Последний удар вышел пустым.

Я остановился, уперся ладонями в колени и стал хватать воздух ртом.

Глеб опустил лапы, не подошел сразу, дал мне несколько секунд, хотя обычно уже пихнул бы плечом и обозвал артистом.

Под душем било ледяное.

Вода стекала по затылку, по шее, по забитым плечам и груди.

Она смывала пену, соль, кровь с рассеченной костяшки, но то, что сидело внутри, только сжалось плотнее.

Я стоял неподвижно.

Капли ползли по спине, задерживались у татуировки ниже пупка, сбегали по напряженному животу.

В кафеле отражался чужой мужик с тяжелым взглядом, хотя еще утром я умел улыбаться, спорить о кофе и подкалывать Глеба за его вечную серьезность.

Когда я вышел, стало тише.

Я растирал голову полотенцем, а Глеб уже сидел на лавке, одетый, собранный, слишком спокойный.

Он не полез сразу, не хлопнул по плечу, не сказал лишнего, только смотрел так, что от этого хотелось снова ударить по чему-нибудь.

— Что с тобой, Булат?

Я попытался усмехнуться.

Даже поднял бровь, будто сейчас выдам обычную глупость и все свернется в шутку.

— Да так, день не задался. Любимая женщина оказалась не совсем любимой и не совсем моей.

Глеб не улыбнулся.

И вот это, почему-то, добило сильнее, чем если бы он начал давить.

Все, что я только что запер под холодной водой, рвануло обратно, тяжелое, горячее, слепое.

— Отстань, Глеб.

— Сядь и скажи нормально, что случилось.

— Я сказал, отстань от меня!

Голос сорвался на рык.

Эхо ударилось о кафель, прокатилось по раздевалке и вернулось ко мне чужим, мерзким звуком.

Я увидел, как Глеб сжал губы, как пальцы у него дрогнули на краю лавки, но он не двинулся.

Пауза вышла длинной.

В ней было слишком много нашего общего прошлого, всех драк, ночных разговоров, дурных поездок и утреннего кофе после бессонных суток.

Я отвернулся первым, потому что иначе пришлось бы говорить, а слова сейчас могли разнести меня хуже любого удара.

— Прости, бро. Не сейчас.

Я схватил сумку.

Ремень впился в ладонь, полотенце соскользнуло на пол, но я не поднял его.

Дверь хлопнула за спиной, отрезая меня от душной раздевалки, от Глебова взгляда и от того вопроса, на который я сам боялся ответить.

Дверь спортзала захлопнулась за моей спиной с глухим стуком. Но ярость, что клокотала внутри, даже не думала утихать. Наоборот, она разрасталась, заполняя каждую клетку, требуя выхода. Ей нужно было топливо. Скорость. Движение. Что угодно, лишь бы не стоять на месте, не думать, не чувствовать.

Мой «Мерин» ждал у обочины — темный, хищный, молчаливый. Он всегда был готов принять меня любим: злым, разбитым, потерянным. Я запрыгнул в салон, и дверь захлопнулась с тем звуком, который я любил больше всего — глухим, надежным, обещающим защиту от всего мира.

Но не сегодня. Сегодня защиты не было. Сегодня я сам хотел быть опасностью.

Ключ повернулся в замке зажигания. Двигатель взревел. Этот рык прокатился по телу, отдаваясь где-то в груди — там, где еще минуту назад пульсировала глухая, тяжелая боль. Я вдавил педаль в пол, и машина сорвалась с места, будто только и ждала этого приказа.

Город превратился в размытое полотно огней.

Фары встречных машин — белые вспышки. Фонари над

головой — желтые росчерки. Светофоры, которые я пролетал на красный, сливались в одноцветное марево. Я рвал ночь на части, как клочья бумаги, нарушая все правила, которые только существуют в этом городе. Полосы, скорости, знаки — все смешалось в адский коктейль, и я пил его залпом, не чувствуя вкуса.

Гудки других водителей тонули в реве мотора. Они оставались где-то далеко, в другой реальности, где люди еще способны думать о безопасности, о правилах, о жизни. Моя реальность была другой. В ней остался только гул крови в ушах, только стук сердца, готового проломить ребра, только запах ее духов, который, казалось, вьелся в кожу намертво.

Я был не просто человеком за рулем.

Я был бурей. Слепой и разрушительной. Ураганом, который вырвался на эти асфальтовые джунгли, чтобы сровнять их с землей. Чтобы смыть все, что напоминает о ней. Чтобы доказать себе, что я еще жив. Что во мне еще есть что-то, кроме этой выжженной пустоты внутри.

С шипом резины я замер у своего дома.

Тормознул резко, на грани — едва не влетел в бордюр. Двигатель заглох, и вместе с ним, казалось, остановилось все. Тишина, которая наступила следом, была громче любого рева. Она давила на уши, на виски, на грудную клетку.

Я вышел из машины, и ночной воздух ударил в лицо — прохладный, но не приносящий облегчения. В подъезде не стал ждать лифта. Взлетел по лестнице, перепрыгивая через

ступени, сжигая последние остатки адреналина, которые еще бурлили в крови.

Дверь квартиры отворилась с глухим стуком.

Я влетел внутрь.

И застыл на пороге, будто наткнулся на невидимую стену.

Комната выглядела так, словно здесь пронеслась война.

Жалюзи, которые она так любила закрывать по утрам, чтобы солнечные лучи не мешали нам валяться в постели до обеда, были сорваны. Они висели кривым, уродливым жгутом. Все ее дурацкие безделушки — эти бесконечные сувенирчики, которые она тащила из каждой поездки, фарфоровые слоники, которых она коллекционировала с каким-то детским упорством, шкатулочки — все это было смято, разбито и вышвырнуто на пол. Стеклянная полка, где стояли ее любимые статуэтки, валялась вдребезги, и осколки хрустели под ногами.

А в самом центре этого разгрома, на столе, лежали они.

Конверт валялся рядом, смятый, с перекошенным краем. Без обратного адреса. Курьер привёз его в офис днём, пока я был на встрече. На белом листе внутри было всего несколько строк:

«Отель «Север». Номер 214. Вчера, с 16:40 до 18:10. Спроси у своей Агаты, где она была».

Я мог проверить. Один звонок, и администратор отеля подтвердил бы или опроверг эту дрянь. Я мог поднять ка-

меры, пробить курьера, найти того, кто отправил конверт. Я ведь адвокат, мать его. Я привык не верить словам и копаться в фактах.

Но я смотрел не как адвокат. Как мужик, которому только что выдрали сердце и положили на стол рядом с этими снимками. И чем дольше я смотрел, тем меньше хотел правды. Мне хватило боли.

Фотографии стали доказательством.

Они были разложенные веером, будто для отчета. Чтобы не пропустил ни одной детали. Чтобы рассмотрел все до мелочей, до последней родинки, до последнего вздоха.

Лица почти не было видно: волосы, тень, чужое плечо, смазанный поворот головы, но мне этого хватило.

Тот же изгиб шеи. Те же тёмные волосы. Тот же тонкий браслет на запястье, который я сам купил Агате.

Я вцепился глазами в этот браслет сильнее, чем в её тело. Потому что тело ещё можно было объяснить светом, ракурсом, мерзкой похожестью. А браслет — нет.

Фотографии. Много фотографий. И на всех — она.

Агата.

Моя Агата.

Только уже не моя.

Она лежала на какой-то кровати — чужой, не нашей. Полностью голая. Раскинулась на каком-то мужике так же вольготно, как когда-то на мне. Ее мягкие короткие волосы, которые я так любил перебирать пальцами, веером рассыпались

по его груди. Ее пухлые губы, которые я мог целовать часами, не в силах оторваться, были растянуты в нежной, томной улыбке. Той самой улыбке, которую я считал своей. Принадлежащей только мне.

Мягкие полушария ее груди прижимались к его телу. Я помнил, какие они на ощупь. Помнил, как она выдыхала, когда я касался их губами. Помнил каждую секунду, проведенную с ней.

Она всегда так засыпала после секса.

Сразу. Почти мгновенно. Будто кто-то щелкал выключателем, и свет гас. Ее дыхание становилось ровным, глубоким, тело расслаблялось, и она уплывала в сон, оставляя меня одного — сторожить ее покой, слушать, как бьется ее сердце, думать о том, как мне повезло.

После секса... со мной.

А теперь она засыпает так с другим. И этот другой, скорее всего, тоже лежит сейчас, смотрит в потолок и чувствует, как бьется ее сердце о его грудь. И думает, что это навсегда.

Память ударила под дых.

Коварная. Живая. Беспощадная.

Она не спрашивала разрешения. Она просто накрыла — с головой, с хрипом, с болью, от которой перехватило дыхание.

Я вспомнил, как она прильнула ко мне в последний раз. Вся нежная, горячая, пахнувшая чем-то сладким и терпким одновременно. Ее кожа к моей коже — это было лучше лю-

бого наркотика. Ее смех — тихий, счастливый, уставший — прямо в мою шею, от которого по позвоночнику бежали мурашки.

«Булат...» — шептала она, водя пальцами по моим плечам, рисуя какие-то узоры, значение которых знала только она. «Булат, я так тебя люблю...»

А потом ее пальцы замирали. Дыхание становилось ровным. Щека прижималась к моей груди, и она уплывала. В страну снов, куда у меня не было пропуска.

Я лежал тогда с открытыми глазами. Смотрел в потолок, на игру теней от уличных фонарей. Слушал, как бьется ее сердце — ровно, спокойно, уверенно. Чувствовал, как ее тепло растекается по мне, заполняя все пустоты, которых у меня было так много до встречи с ней. И думал.

Думал о том, что это навсегда. Что я больше никогда не буду один. Что она — моя. Моя женщина. Моя жизнь. Мое все.

Как же я ошибался.

Фото на столе смотрели на меня. Улыбались мне. Насмехались надо мной. Каждый снимок был пощечиной. Каждая деталь — ножом в спину.

Я сжал кулаки до боли. Боль была нужна. Она отрезвляла. Не давала провалиться в ту черную дыру, которая разверзлась где-то в груди и грозила засосать целиком, без остатка.

И в этот момент...

Звонок в дверь.

Резкий и настойчивый.

Звонок повторился. Дольше. Громче. Требовательнее.

Я медленно обернулся.

В груди больше не было боли. Ее сменил гнев. Горячий, живой, пульсирующий в такт бешено колотящемуся сердцу. Он поднимался откуда-то изнутри, заполняя каждую клетку, вытесняя все остальное.

Я сжал кулаки. Костяшки побелели. Челюсть свело так, что зубы, кажется, сейчас раскрошатся в крошку.

Глазами, в которых еще плескалась буря я уставился на входную дверь.

Сейчас было не до воспоминаний.

Сейчас был только гнев.

Живой. Настоящий.

И он был готов снова сорваться с цепи.

Я рванул входную дверь, готовый в клочья разорвать любого бессмертного идиота, которому взбрело в голову явиться сюда сегодня. В мою личную преисподнюю. В тот момент, когда гнев еще не нашел выхода, когда адреналин плескался через край, требуя жертвы.

На пороге стояла...

Глава 2

БУЛАТ

На пороге стояла Лола.

Та же темная копна волос, что и у ее сестры-стервы. Те же скулы, тот же изгиб бровей. Только ядовито-зеленый разрез глаз — а у Агаты в них всегда плескалось тихое, теплое море, в котором я тонул с наслаждением. В этих же — болото. Тягучее, зеленая муть без дна. Ни тепла, ни света. Один сплошной вызов.

Наглая, вызывающая ухмылка кривила губы, покрашенные ядовитой розовой помадой. Ярко-розовый топ, едва прикрывающий грудь, оголял плоский живот с дурацким пирсингом в пупке — блестящая безделушка, как на корове. Узкие белые шорты впивались в упругую задницу, подчеркивая каждую линию, каждую складочку. Она вся была сплошным призывом. Ходячей провокацией. Вылитая сестра, только без того света, что был в Агате.

— Булат, — выдохнула она, и голос ее прозвучал сладко, приторно. — Я слышала... Агата...

— Какого хрена ты пришла?

Она не спросила разрешения. Она просто проскользнула в квартиру, протиснувшись между мной и косяком, выставив грудь вперед, будто это был пропуск.

Сумку она бросила на тумбу у входа. Из расстёгнутого

кармана торчал угол тёмного блокнота с металлической застёжкой. Я машинально зацепился за него взглядом.

Лола заметила. Усмехнулась и одним пальцем толкнула блокнот глубже.

— Дневник, — сказала она легко. — Не смейся. Я люблю записывать важное. Люди забывают, кто им что сделал. А бумага — нет.

— Мстительная привычка.

— Полезная, — поправила она и посмотрела на фотографии на столе. — Особенно когда вокруг все делают вид, будто ничего не было.

От нее пахло чем-то приторно-сладким. После запаха Агаты, который всегда был легким, едва уловимым, от этой сладости мутило.

— Что у вас с Агатой случилось? — Лола обвела взглядом разгромленную комнату, но, кажется, её это ничуть не смутило. — Она в истерике, ревет, говорит, ты ее бросил!

— Не твое дело! — рявкнул я, чувствуя, как гнев снова закипает. — Спроси лучше у своей шлюхи сестры, чем она занималась, пока я спину гнул.

— Она молчит, — Лола пожала плечами. В этом жесте не было ни капли сочувствия к сестре. Только любопытство. — Ничего не рассказывает.

— Слушай, Лола, — я шагнул к ней, нависая скалой, загораживая свет. — Проваливай. Я не в настроении для пустой болтовни и семейных разборок.

— А я пришла не болтать, — она подняла на меня глаза, и в их зеленой глубине мелькнуло что-то хищное, голодное.

— Я пришла пожалеть.

— Чего?!

Я обалдел настолько, что на секунду потерял дар речи. А потом меня прорвало. Диким, хриплым, почти нечеловеческим хохотом, который, кажется, испугал даже меня самого.

— Ты сама-то поняла, что ляпнула? — прорычал я сквозь смех, который резко оборвался, повиснув в воздухе тяжелым, нехорошим эхом. — Пожалеть? Меня? Ты в своем уме?

— Я всё поняла, Булатик, — она шагнула ближе. — Еще три месяца назад. Как впервые увидела тебя с Агатой. Я тогда уже поняла: ты не её. Ты должен быть моим.

Она придвинулась вплотную.

Я чувствовал жар ее тела сквозь тонкую ткань топа. Грудь уперлась в меня. Она начала медленно, нагло тереться, будто кошка об ногу хозяина, выпрашивая подачку. Глаза — два ядовитых изумруда — не отрывались от моих. В них плескалась похоть.

Расчет?

Желание доказать, что она лучше?

Что сможет получить то, что не смогла удержать сестра?

Вот же гадина. Такая же, как Агата. Обе из одного помета. Обе стервы. Только одна прикидывалась нежной и любящей, а эта даже не маскируется.

— Она тебя не стоит, Булат, — прошептала Лола, и ее

пальцы скользнули по моей груди, царапнув ногтями ткань футболки. — Она дура. Не понимает, какое сокровище ей досталось. А я... Я всегда тебя хотела. С первого взгляда. Ты просто не замечал меня за её спиной.

Внутри все натянулось в тугую, дрожащую тетиву.

Ах ты ж шлюха. Решила, что на развалинах моей жизни можно устроить пикник? Прийти, раздвинуть ноги и получить то, чего желает? Та же самая гниль, что и у Агаты. Только Агата умело прятала ее под маской нежности, а эта даже не пытается.

Я втянул воздух носом — какая-то сладкая, приторная вонь. Противно. До тошноты. До желания вымыть руки.

— А ты, значит, стоишь меня? — ядовито выдохнул я ей в лицо, почти касаясь губами ее губ. — Думаешь, ты лучше?

— Булатик... — она медленно облизнула губы. — Я для тебя всё сделаю. Всё, что захочешь. Возьми меня. Ты не пожалеешь. Клянусь.

Тварь.

Что-то во мне оборвалось. Сорвалось с цепи.

Я рванул ее на себя — грубо, без предупреждения, так, что она вскрикнула, но в этом крике не было страха. Было торжество. Предвкушение.

Она начала тереться о меня сильнее, жарче, поскуливая, как сучка в течке. Ее грудь, эти дурацкие силиконовые полусария, которые она так старательно выставляла напоказ, вжималась в меня, ища ответа.

Ага, размечталась.

Я резко развернул ее спиной к себе, пригвоздил к стене. Ее руки уперлись, она прогнулась в пояснице, выставляя задницу — готовая, покорная, ждущая.

Она сама, с похабной готовностью, содрала с себя шорты, дернув их вниз. Топ полетел на пол — ярко-розовое пятно. Осталась в одних стрингах — узкая полоска ткани, впившаяся между ягодиц. Мокрая. Течет, сука.

Я не стал церемониться.

Не было во мне нежности. Не было желания ласкать, дразнить, доводить до исступления. Во мне была только ненависть. Черная, липкая, ядовитая. И я решил скормить её ей.

Я рванул стринги в сторону — ткань жалобно хрустнула, но выдержала, впилась в плоть. Встал сзади плотно, чувствуя жар ее тела, ее дрожь. Она ждала, извивалась.

— Булатик, — выдохнула она хрипло, — ну же...

Я вошел в нее резко. Без смазки, без подготовки. Вогнал всей длиной, наотмашь, разрывая, причиняя боль. Она вскрикнула — громко, с надрывом, но тут же застонала, выгибая спину еще сильнее, принимая глубже.

— Да... да... — шептала она, впуская меня в себя. — Еще... сильнее...

Я вбивался в нее с ненавистью, что копилась для Агаты. Каждый толчок был выстрелом. Каждое движение — желанием причинить боль, уничтожить, стереть. Не её. Себя. Свою дурацкую веру в любовь. Свою слепоту. Свою сла-

бость.

Она попыталась повернуть голову, заглянуть мне в глаза. Я не дал. Схватил за затылок, вцепившись в темные волосы, пригвоздил лицом к стене.

— Не смотри, — прохрипел я. — Не хочу видеть твою рожу.

Темные волосы вздрагивали в такт ударам. Тело ходило ходуном, ударяясь о стену с глухим, ритмичным стуком. Она стонала — громко, откровенно, не стесняясь. Выкрикивала мое имя вперемешку с грязными просьбами.

А в глазах у меня стояла пелена.

Красная, мутная пелена ярости.

И сквозь нее я видел не Лолу. Видел Агату. Как она так же стонала. Так же шептала. Так же выгибалась, принимая меня в себя. Лгала. Каждым вздохом, каждым прикосновением, каждым «люблю».

Дрянь.

Я зажмурился, вбиваясь в чужое тело с остервенением зверя. Ненавижу. Ненавижу.

Еще удар. Еще. Глубже.

Чувствовал, как внутри закипает, поднимается откуда-то из самых недр. Тошнотворная, липкая волна, в которой смешалось все: гнев, боль, отчаяние, похоть.

Я выдернул в последний момент, выходя из нее рывком, и излил всю желчь на ее спину. Горячие, липкие струи стекали по пояснице, по ягодицам, смешиваясь с потом. Она вздрог-

нула, застонала.

Я отступил, чувствуя, как дрожат руки. Застегнул ширинку. Отвернулся.

Сзади слышалось ее тяжелое дыхание, всхлипы. Не знаю, кончила она или нет. Мне было плевать.

— Булат... — прошептала она хрипло. — Я... я хочу еще...

— Сама, — бросил я, не оборачиваясь.

Она, не говоря ни слова, зашлась в тихом хныканье. А потом до меня донеслись звуки — влажные, ритмичные. Ее пальцы скользнули туда, вниз, доводя себя до разрядки. Тишину комнаты разрывали лишь ее сдавленные стоны, переходящие в крик, и конвульсивные вздрагивания тела, которое билось в оргазме, упираясь лбом в холодную стену.

Я стоял спиной и смотрел на разбитые фото на столе. На улыбку Агаты. На её тело в чужих руках.

— Мы теперь вместе? — раздалось сзади, и руки Лолы обвили меня, прижимаясь горячей, влажной кожей.

Я скинул их. Как назойливую тварь. Как грязь, которую хочется смыть.

— Нет.

— Но как так, Булат? — в ее голосе прорезались слезы. Обида. Непонимание. — Мы же только что... Я думала...

— Думала? — я резко развернулся, впечатывая в нее взгляд, полный того самого гнева, который, казалось, только разгорелся сильнее. — Думала, раздвинула ноги, и мы сразу пара? Что, потрахалась со мной — и всё, ты моя женщина?

Она смотрела на меня огромными глазами, в которых плескалась боль пополам с обидой. Хлопала покрашенными ресницами, не в силах вымолвить ни слова.

— Всё, — отрезал я. — Вали.

Лола всхлипнула. Быстро, дрожащими руками, натянула шорты, подхватила с пола топ. У двери обернулась.

— Булатик... — прошептала она. — Ты звони... Если что... Я всегда...

Дверь захлопнулась за ней с тихим щелчком.

Я остался один.

В разгромленной квартире. Среди осколков безделушек Агаты. Среди фото ее счастья с другим. С запахом чужого тела на коже.

С ненавистью, которая, кажется, только что сожрала меня целиком.

Глава 3

БУЛАТ

Год спустя

Прошел год.

Двенадцать долбанных месяцев, а ее образ все так же врезан в мозг, как осколок.

Я ненавижу себя за эту слабость, за то, что до сих пор люблю себя на том, что память внезапно воспроизводит ее лицо. То, как мы были счастливы. Жениться на ней хотел. Хорошо, что дело не дошло — носил бы теперь ветвистые рога.

Я не видел ее все это время и знать не хочу, где она. Вероятно, с тем козлом, что параллельно лазил на нее, пока она лежала подо мной и клялась в вечной любви.

Она пыталась звонить. Я кинул ее номер в черный список, но потом она начала названивать с чужих номеров. Голос дрожащий, слезы в голосе: «Булат, давай просто поговорим...» Я посылал ее, требовал исчезнуть. В конце концов, сменил номер. Вычеркнул. Как будто ее не было.

Чтобы не сойти с ума, я ушел в работу с головой. Собственная адвокатская контора стала моим спасением — она требовала всего меня без остатка. В первые месяцы здорово выручил Глеб.

Старший брат, у него и с финансами, и со связями полный порядок. Мне есть чему у него поучиться. Он, конечно, весь

в своих семейных делах с Аленкой — или, как мы ее зовем, Заяц, — но время для меня нашел.

Вот кому реально повезло. Классная девчонка. Помню, как они с Ником чуть не поубивали друг друга из-за нее, но пара бутылок коньяка и серьезный разговор по душам все расставили по местам.

В личном плане я все четко расставил по полочкам: никаких отношений, только секс. Банально, но работает. Желаящих — вагон и маленькая тележка. Но почему-то чаще всего в моей постели оказывается Лола.

Сначала я сам не признавался себе, зачем это делаю. Но со временем одержимость только усиливалась. Она — живое напоминание: такие же темные волнистые волосы, тот же изгиб шеи. Я владел ее жестко, без пощады, будто хотел выбить из нее дух, словно через нее наказывал Агату.

Вообще, я перестал видеть в них лица. Только спины. Без поцелуев, без слов. Мне не нужно было видеть их лица, слышать их стоны, терпеть притворные нежности. Отработала — свободна. Пришла другая.

Но Лола стала чем-то вроде постоянной. Я звонил — она приезжала. Кончал — она уезжала. Не разрешал оставаться на ночь, не оставался у нее, не водил по кафе и кино — вся эта лабуда не для меня. Она пыталась сдвинуть что-то с мертвой точки, заговорить о «чувствах», но я четко отрезал: «Могу предложить только это. Решай». Она согласилась.

И вот мы крутимся в этом порочном кругу. Ее тело — сур-

рогат, который я ненавижу. Я вгоняю в нее всю свою злость, всю невысказанную боль, а после вышвыриваю из дома, будто выношу мусор.

Возвращаюсь в квартиру, где я был когда-то счастлив с Агатой. Сейчас о ней мало, что напоминает. Я выкинули все ее вещи, стер фотографии. Ни одного напоминания. И все равно ее призрак витает в этих стенах.

Иногда мне даже кажется, что я слышу ее быстрые шаги, вижу, как она танцует... Она красиво танцевала. Встанет на носки, глаза горят, на губах нежная улыбка, взмах руки и она закружилась. Платье подчеркивает хрупкость фигуры, белизну кожи, ее нежность. Просто ангел. Мля...

Я пытаюсь выбить её из головы боксёрской перчаткой. Спортзал стал моей второй тюрьмой — первую я ношу в себе. Бью по мешку, рву штангу, изматываю себя до хруста в суставах и седьмого пота. Пока кости не заноят от боли, а в ушах не стихнет внутренний вой. Усталость — лучшее успокоительное. Когда тело горит, мозгу просто не до душевной боли.

Иногда я сижу с братьями. Пьем, болтаем. Вернее, это они болтают. Я — молчу.

С тех пор как она ушла, я стал другим. Исчез тот балагур. Осталась лишь злость, готовая разрядиться на первого, кто косо посмотрит. А после этих встреч я возвращаюсь в свою пустую квартиру, где снова остаюсь наедине с призраками прошлого.

Я вбивал последние правки в исковое заявление, когда дверь распахнулась без стука. Лола. Мы крутились вместе почти год, если можно так назвать секс пару раз в неделю без обязательств.

На ней был кричаще-красный костюм, в руках — дизайнерские очки, купленные на мои же деньги. Да, она старательно шлифовала себя, как дешевый камушек, пытаясь выгладеть дорого. А чего бы и нет? Я щедро финансировал этот «проект по преобразению» — кидал деньги, чтобы она порадовалась и не лезла в душу. Вот она и радовалась, с упоением тратя всё на свою драгоценную персону. Бренд-овые тряпки, уколы красоты, салоны красоты — полный комплект.

Я видел, как мужчины из моего коллектива провожали её взглядами, слюнявыми и голодными. Меня это не колыхало. Не колыхнуло даже тогда, когда я заметил, как молодой стажёр нервно поправлял брюки, пытаясь скрыть своё возбуждение. Она хорошо справлялась со своей единственной функцией — быть красивой и приезжать по первому моему щелчку. А в остальном мне было на неё плевать.

Она стояла передо мной и ее лицо искажала не игривая улыбка, а злое, напряженное выражение.

— Булат, поговорить надо.

— Занят, — отрезал я, даже не глядя на нее. Ненавижу, когда отрывают от дела.

— Это срочно! — заявила она, плюхаясь в кресло как полновластная хозяйка.

Я швырнул ручку на стол. В последнее время она реально начала действовать на нервы. Вначале я четко дал понять — никаких тебе обязательств и иллюзий. И она вроде бы согласилась. Но в последнее время в нее будто бес вселился — истеричная, нервная. Набрасывалась на меня с такой яростью, будто металась между желанием овладеть мною и придушить. Мне было все равно. Главное — результат. А результат всегда был один: разрядка, и я свободен.

— Говори.

Она замолчала, нервно теребя ремешок сумки.

— Ну? — я с насмешкой уставился на нее. — Так лихо вломилась и сдулась?

— Я беременна, — выпалила она, впиваясь в меня взглядом.

Воздух застыл. В голове пронеслось: «Вот дерьмо».

— Ты уверена? — спросил я ледяным тоном.

— Да.

— Он мой?

Пока она заламывала брови, я уже считал. Не сердцем, а календарём. Когда она особенно настойчиво просила «без лишнего», когда я уезжал в Питер по делу, когда она пропадала на два дня и потом явилась слишком ласковой, слишком голодной до моего внимания.

Срок мог всё решить. Не истерика, не её слёзы и не фраза

«ты обязан». Только срок. Анализы. ДНК.

Я слишком дорого заплатил за одну ошибку, когда поверил картинке вместо фактов. Второй раз меня на этом не возьмут.

— Ты на что намекаешь, Булат?! — взвизгнула она.

— Я не намекаю. Я открыто спрашиваю, — парировал я, не меняя выражения лица.

— Твой... Если надо, хоть завтра тест сделаю. Ты женишься на мне.

— С чего вдруг? — я медленно поднял брови, на лице расплылась ухмылка.

— Я не стану позором семьи, как Агатка! Если она была шлюхой, то я не такая!

От этого имени внутри всё сжалось в тугую, раскалённую ком. Я почувствовал, как стиснулись челюсти, но через секунду снова обрел контроль. Всего лишь имя. Всего лишь предательница.

Я впился в Лолу взглядом. «Не шлюха, как сестра». Серьезно? Вы все из одного помета. Я в этом убедился, когда Агата — та, на которой я был готов жениться! — расплзлась под первым встречным. И теперь каждая из вас для меня — просто отверстие. Ненавижу вашу породу.

А эта... стоит, глазами хлопает, губу закусил. Разводит дешевый водевиль с притворной невинностью. Смотрю на Лолу, а в голове проносится лишь один вопрос: что, братан, будем делать?

Жениться на ней? Да я скорее удавлюсь, чем на ком-то женюсь. Ее истерики, ее страхи — мне на всё это плевать. С другой стороны, эта особа теперь — мать моего будущего ребенка. Детей я не хотел, особенно от этой, но держу паянс, который сам же и разложил.

И кстати, слишком уж удачно получилось. Уверен, эта дрянь всё подстроила. Раньше я всегда контролировал вопрос защиты, а в последние разы она так мурлыкала: «Давай без ничего, я на таблетках...». Идиот. Решила привязать меня, как барана на веревке? Думает, получится, стерва?

Она похлеще Агаты будет!

Мысль об Агате впилась в мозг, как раскалённая спица. Год прошёл, а я до сих пор не смог выжечь ее из себя. Не мог забыть её подлый удар в спину — точный, расчётливый, от той, ради которой был готов на всё.

Я, Булат, для которого они все раньше готовы были на колени встать, который мог выбрать любую — опозорился, как последний лох, влюбившись. Носился с ней, как с писаной торбой, строил идиотские планы... А она оказалась обычной шлюхой.

Даже сейчас, спустя год, эти воспоминания рвут душу в клочья. Не больно — омерзительно. До тошноты.

— Булат? — Лола вывела меня из оцепенения.

— Мне нужно подумать. Это не то, что решается за пять минут.

Она хотела возразить, но, встретившись с моим взглядом,

резко поднялась.

— Ладно. Думай. — её голос дрогнул. — Но учти, скоро уже будет не скрыть...

— Сделаем тест ДНК, — отрубил я, перебивая её на полуслове.

Лола вздрогнула, будто ошпаренная. Её глаза метнули в меня молчаливую ненависть. Резко развернувшись, она вылетела из кабинета, прихлопнув с силой дверь.

Я ударил кулаком по столу и с силой откинулся в кресло, закрыв глаза. Внутри всё кипело. А потом память резким крючком зашла сзади и швырнула меня на год назад...

Тогда ее имя, Агата, было для меня слаще любой музыки. Она ворвалась в мою жизнь, как весенний ураган, сметая все на своем пути. Помню тот душный летний день, когда я спешил на встречу с клиентом. Поднимаясь по ступенькам, я увидел ее — она летела вниз, каштановые волны скрывали лицо, а легкое платье развевалось вокруг стройной фигуры. И вдруг — оступилась...

Я поймал ее, ощутив в руках невесомое, трепетное тело.

— Не лестница, а настоящая полоса препятствий! — ее смех звенел, а глаза излучали такой свет, что я забыл, куда и зачем шел.

— Настоящий мужчина всегда поймает принцессу на лету.

— Так вы, получается, принц? — включилась она в игру,

и в уголках ее глаз собрались смешливые морщинки.

— Есть немного.

Я так и не отпустил ее, спускаясь с ней на руках по лестнице. Она немного засмузилась, щеки покрылись румянцем.

— Можно, я теперь пойду сама?

— Только в обмен на имя, — не сдавал я позиций.

— Агата, — выдохнула она, и мое сердце екнуло.

— Булат.

Мы стояли внизу, и я пытался шутить — косноязычно, неуклюже. Раньше меня было невозможно выбить из колеи, но Агата справилась с этим мгновенно. Каким-то чудом мне удалось уговорить ее дать номер — на случай, «если лестница снова решит напасть».

Потом были незабываемые месяцы, когда я открывал для себя другую жизнь. Я, привыкший к расчетливым взглядам и фальшивым улыбкам, был покорен ее искренностью.

В парке мы могли часами бродить, держась за руки, как подростки.

— Смотри, какая белка! — внезапно тянула она меня за рукав.

И я смотрел — правда, не на белку, а на то, с каким восторгом она делилась со мной каждым мгновением. Ее глаза сияли, а в голосе звенела неподдельная радость.

Я улыбался как счастливый дуралей, забыв о всех своих принципах и цинизме. А потом нас застал врасплох сильный ливень. Мы смеялись, как дети, и бежали по мокрой дорожке.

ке, пока не укрылись под кроной векового дуба.

Под тенью его раскидистых ветвей она прижималась ко мне, шепча:

— Здесь так хорошо... Только мы вдвоем и больше никого.

Ее поцелуи были сладкими, как спелые ягоды, а пальцы, переплетенные с моими, — такими надежными...

Помню то утро, когда я проснулся от ее прикосновений. Она нежно целовала мою спину, проводя кончиками пальцев по старому шраму.

— Я так тебя люблю... — шептала она, думая, что я сплю.
— Как я хочу, чтобы мы всегда были вместе...

Я притворялся спящим, просто чтобы продлить эти мгновения, чтобы слышать, как мое сердце готово выпрыгнуть из груди. Да, Агата, я тоже хотел быть с тобой всегда. Взять тебя за руку и попросить стать моей женой. Держать твою руку, благодаря за нашего первенца. Не отпускать ее и через двадцать лет, шепча благодарность судьбе за нашу встречу.

Наша первая ночь была откровением. Не просто секс, не похоть — чистая страсть, желание, чувственность. Я никогда не забуду, как дрожал ее голос:

— Я... я никогда раньше...

И тогда меня накрыло странное, непривычное чувство — не триумф, а благодарность. Я, для кого невинность всегда была пустым звуком, вдруг осознал, как важно, что именно я стану ее первым и последним.

— Я буду нежен, — пообещал я, целуя ее влажные ресницы.

И мы целовались в сотый раз — нетерпеливо, страстно, как в последний раз. Ее вкус, ее запах, каждый вздох... Я терял голову от желания. От счастья, которое оказалось таким хрупким.

Резкий стук в дверь вырвал меня из прошлого.

— Булат Олегович, ваш клиент здесь.

Я провел ладонями по лицу, сбрасывая наваждение. Все это — ложь. Эта стерва предала, растоптала все, что было, между нами. Пусть не сразу, но я сотру ее из памяти.

Окончательно.

Лола. Беременность. Женидьба.

Эти три слова долбили по вискам, вышибая из головы всё остальное. «Мой или не мой?» — эта мысль сверлила мозг, не давая передышки.

Едва стрелки показали конец рабочего дня, я уже сидел в баре. Заказал пиво, отхлебнул, пытаюсь смыть привкус этой дрянной новости.

Нужно было думать, анализировать, но вместо четких аргументов в голове стояла одна сплошная матерщина. И этот взгляд Лолы — наглый, уверенный, будто она уже затянула меня в свои сети.

Завибрировал телефон. Глеб.

— Бро, как дела?

— Тебе соврать или честно? — буркнул я.

— Собутыльник нужен? — сразу уловил суть. — Где сидишь?

— В «Гамбринусе».

— Всех тараканов своих не перетрави, скоро буду.

Он появился через десять минут, заказал виски. Поболтали о работе: он — о новом контракте, я — о сложном случае в практике. Оказалось, Аленка беременна. Глеб чуть ли не светился от счастья. Беременность... Но хоть желанная.

— Слушай, у меня тут... форс-мажор, — не выдержал я.

— Девчонка от меня беременна. Требуется, чтобы я, мля, женился.

Глеб свистнул.

— Ну ты и влетел.

— Не то слово.

— А ты точно отец?

— Говорит, что да. А там кто знает...

— Но, Булат, не будь идиотом. Сначала убедись, что это твоя проблема. — и добавил тише — И не делай это на злости,

Я поднял на него взгляд.

— Ты сейчас о чём?

— О том, что ты умеешь выносить приговор быстрее, чем собирать доказательства.

— Аккуратнее, Глеб.

— Нет, брат. Как раз сейчас не время аккуратничать. Ты

адвокат. Вот и веди себя как адвокат. Срок, анализы, тест. Всё остальное — бабьи слёзы и твоя гордость.

— Тест сто процентов будет. Если подтвердится...

— Жениться будешь? Или...

— Жениться не хочу. Скорее всего, запишу ребенка на себя и буду финансово помогать. Женитьба — не про меня. После нее...

— Все еще не забыл?

— Нет.

Позвонил Егор и через некоторое время материализовался перед нами.

— Что, мужики, собрались без меня? — хлопнул меня по плечу, заказал пива.

Поболтали о своем, пока Егор не ввернул, не глядя:

— Кстати, вчера Ник звонил.

Мы с Глебом переглянулись.

— И как там наш солдатик? — спросил я.

— Говорит, жопа, но держится. Спрашивал про нас, про твою контору... — Егор отхлебнул пива и посмотрел на Глеба. — И про Алену спросил. Мол, как она там.

Я видел, как Глеб застыл, как сжались его пальцы на стакане. В воздухе повисло то, о чем все думали, но не говорили. Все помнили, что между Ником, Глебом и Аленой когда-то случилось.

Но Глеб лишь хмыкнул и допил свой виски.

— Я доверяю своей жене.

Егор пожал плечами, перевел тему. Предательство Агаты отравило всё, как радиация. Я смотрел на Глеба, который с такой простотой отмахивался от призрака прошлого, и чувствовал дикую злость. Он мог доверять. А я... я теперь в каждой улыбке видел подвох, в каждом вопросе о чужой жене — намёк.

Я допил своё пиво, ощущая, как дерьмовое послевкусие смешивается с ещё более дерьмовым осадком внутри. Мир, который я пытался построить после той стервы, снова трещал по швам. И я не знал, что хуже — возможный ребёнок от Лолы или эта паранойя, которая медленно пожирала всё живое во мне.

Через пару часов братья разошлись. Я вызвал такси и уставился в окно, где мелькали чужие жизни. В голове — крошечный ад: беременная Лола с её требованиями, сияющий Глеб, Егор с новостями про Ника и эти гребаные воспоминания про Агату.

И тут меня осенило.

Третье августа. День, когда мы познакомились. День, который я ненавижу лютой ненавистью. Вырезать бы его из календаря, стереть из памяти. Вот почему сегодня всё это дерьмо всплыло — проклятая дата тянет за собой всё говно из прошлого.

У двери своей квартиры я полез в карман за ключами. Пусто. Оставил на столе в офисе. Идеальный финал для этого дерьмового дня. Пришлось вызывать новое такси и тащить-

ся обратно в офис.

Ночной город встречал меня пустынными улицами и тупыми рекламными вывесками. Я вошёл в небоскрёб. Внутри — гробовая тишина, только мои шаги гулко отдаются в полутьме. Я шёл, чувствуя, как кипит внутри. Весь этот день — одно сплошное проклятие.

Подойдя к приёмной, я остановился. Странно, оттуда лился свет. Я точно помнил — секретарша всё выключила. Зашёл внутрь — никого. По спине пробежала настороженность. Я двинулся к своему кабинету.

Дверь была приоткрыта. Я замер на пороге.

В моём кабинете, в луче настольной лампы, копошилась чья-то фигурка. Женщина с пылесосом в руках увлечённо чистила ковёр. Туго стянутые тёмные волосы, джинсы, обрисовывающие стройные ноги, и водолазка, подчёркивающая хрупкие плечи. Что-то до боли знакомое резануло по нервам, заставив сердце колотиться как сумасшедшее. Я впился в неё взглядом, пытаюсь понять — не галлюцинация ли это.

Она наклонилась выключить пылесос и в этот момент обернулась.

Свет лампы упал прямо на её лицо.

Время остановилось. Воздух вырвался из лёгких.

Передо мной, бледная и с широко раскрытыми глазами, стояла Агата.

Не мираж. Не призрак. Она. Во плоти. В моём кабинете.

— Булат... — её голос прозвучал тихо, почти шёпотом, и

в нём читался такой же шок, что парализовал меня.

Мир сузился до её испуганного лица.

«Мля, — пронеслось в голове. — Каким хреном ты здесь оказалась?».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.